

Рыбоводство и рыболовство

№ 1
1958

С Антоном Павловичем Чеховым

ЗА КАРАСЯМИ

Н. ЛОВЦОВ

В ИЮЛЬСКИЕ погожие дни 1927 года пришлось мне рыбачить на Москве-реке с покойным Иваном Алексеевичем Белоусовым, писателем и страстным рыболовом. В том году он отдыхал в Малеевском доме творчества литераторов. Я свой отпуск проводил в селе Старая Руза, в полутора километрах от писательской усадьбы.

Обычно по утрам мы с Иваном Алексеевичем встречались на левом берегу реки за гужевым мостом. Любезно поздоровавшись, Иван Алексеевич постоянно спешил к небольшому заливику, в котором отменно клевали золотистые караси.

Я усаживался ближе к мосту, под яром. Здесь водились окуни или плавились крупная плотва. Часов около двенадцати, когда летнее солнце начинало припекать и временно замирал клев, мы поднимались на косогор и в тени густого орешника предавались рыбацким воспоминаниям, а то и просто дремали.

Как-то, после непродолжительного отдыха, он предложил:

— Не желаете ли послушать о моей рыбалке с Антоном Павловичем Чеховым?

— Охотно выслушаю.

— Поучительно бывало ходить с ним рыбачить. Случилось мне удить с Антоном Павловичем карасей в Мелихове, в его собственных прудах. Карась там так и лез на крючок, словно кто его нарочно цеплял — утомительная ловля. Но потом захотелось нам поохотиться на речных карасей. Долго не раздумывая, снарядились мы на Оку. Подыскали в речной лагуне уловистое рыбацкое место и расселись. Я — на круче под вербами, а Антон Павлович — чуток подальше, в тени старого вяза.

Не могу сказать, что в тот день не было клева. Частенько на речной глади танцевали мои поплавки, но

представляет, чуть-чуть попрыгают и замрут. Потом заиграют опять и снова остановятся. Разве это рыбалка?

И Иван Алексеевич с удрученным видом махнул рукой.

Чтобы не рассмеяться, я, было, отвернулся.

— Нет, вы послушайте, — загорячился он. — Поймите мое состояние. Не мог же я так, не за здорово живешь, сидеть на берегу. Встал и направился к соседу. Рыболовы всегда любопытны, но особенно их раздражает любопытство, когда им не везет. Подошел к Антону Павловичу и своим глазам не верю. Наш-то любимый писатель Чехов и отменный рыболов только успевает снимать с крючков карасей. Да полненьких, увесистых, прямо порционных. Подсел я к нему и так это вежливо говорю: «Поди, перед рыбалкой ты забегал к бабке-гадалке, она тебе и приворожила большую и малую рыбку? Рассмеялся мой Антон Павлович, вытащил из воды крючок со своей удочки и показывает наживку. А у него на крючке так и вьется такой наливной червячок. Указал на него Чехов и с усмешкой, с которой он иногда разговаривал с маловерами, говорит: «Хотя ты и считаешь себя опытным рыболовом, но насадку подавать рыбам не умеешь. Обратил я внимание, как ты нализываешь червей, так, милый друг, только сапоги-маломерки на Сухаревском рынке натягивают. Еще не долетев до воды, твой червяк уже дух выпустил. Ты же сидишь и ожидаешь, что на твою червячину мумию приличная рыбка клюнет».

Только последовал я его совету и на практике убедился в правоте его слов, как мой всезнающий доктор Чехов решительным тоном приглашает домой.

— Позвольте, — взмолился тогда я, — клев только начался!

«Он и не переставал, но только некоторые незнайки забыли про рыбы вкусы. Сейчас же бросай, приятель! На уху я за тебя наловил, рыбачить же ради жадности, а потом выбрасывать рыбу на помойку — не рыбацкий принцип. Сохраним карасей и другим».

Иван Алексеевич улыбнулся в свою маленькую седую бородку, лукаво скосив на меня глаза.

— Однажды собрались мы с Антоном Павловичем, — продолжал он после небольшой паузы, — на реку Лопасню. Загодя накопили ароматных навозных червей, напарили овса, намочили гороху и ладненьким утречком зашагали к этой речке. Погода ли выдалась рыбацкая, или рыба оказалась голодной, но только в тот день клев оказался замечательный. Успевай только вытаскивать. Червей хватили горбатые окуни, на горох шли язи, а на пареный овес так и лезла вездесущая плотва. Не помню, сколько времени я ловил, но только рыбы у меня оказалось на добрую уху и на поджарку. Я так разохотился, что еще бы может быть продолжал удить, но услышал глухой и сдержанный кашель моего друга. Слышу — задыхается Антон Павлович, а, видать, полностью откашляться не решается. Понял, что боится он распугать у меня рыбу... И эта забота о другом человеке, о соседе-рыболове, так растрогала меня, что я кинул на берегу свои удочки и поспешил к Чехову. Успел только добраться, а у него и кашель прошел. И вижу: он лихо взмахнул удищем и перед моими глазами радужно заиграл великолепнейший язище. Поверь — тогда меня зависть взяла. А Антон Павлович, не заметив, что я наблюдаю, осторожно снял рыбку и наставительно говорит ей: «Прошу извинить, уважаемый Язь Язевич, видимо, вы не доглядели и случайно клюнули на червяка, предназначенного господину Карасю. Примите мое глубочайшее почтение, привет жене и детям» — склонился над водой и выпустил язя.

Рис. П. Караченцова

— Представляете, как я пожалел о добыче. Не всякому рыбаку и не каждый день удастся изловить такого язя. В нем было, по крайней мере, фунтика два. Но повремените — на этом разговор писателя Чехова с рыбами не закончился. Не успел я прийти в себя от язвистой истории, как у него опять закачался поплавок. Антон Павлович мастерски подсек и над берегом затрепыхался красноперый красавец окунь: «А, присяжный поверенный речных глубин, вы собственной персоной изволили пожаловать на чистый воздух. Напрасно трудились. Для вас климат здесь вредный. Прошу извинить!» — и этого отправил в воду.

— Так!

— Это еще не все. Через какие-нибудь три минуты у него опять поклевка. На этот раз показалась в серебре чешуйчатого наряда кокетливая плотва. «Вы это зачем сюда пожаловали, — с шутливой строгостью прикрикнул Антон Павлович, — пошли вон!» — снял с крючка трепещущую рыбку и бросил в реку.

«Чем это ты занимаешься?» — не выдержав, спросил я.

Повернулся ко мне Антон Павлович, так это по-доброму улыбнулся, и с обидой заявил: «Сюда я пришел карасей ловить, а ко мне лезут все обитатели лопасненских вод, вот я и увещаю их вернуться обратно. Пусть себе плавают, размножаются, глядишь, кому-нибудь и пригодятся».